

10. Уголовный кодекс Италии // <http://www.ordineavvocatirieti.it/sites/default/.pdf>
11. Di Amato A. Criminal law in Italy. Kluwer Law International, 2011.
12. Dolaptchieff N. Criminal law in Bulgaria, 23 Am. Inst. Crim. L. & Criminology, 1933.
13. Уголовный кодекс Республики Болгария // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp>

УДК 343.2

МОТИВАЦИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

© 2017 г. Н.Ю. Жилина, Е.А. Овсяникова, И.В. Савельева

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

В данной статье на основе анализа работ ведущих российских психологов, криминалистов и процессуалистов представлены результаты теоретического исследования структуры мотивации человека, рассмотрены проблемы мотивационной сферы личности. Авторами раскрыта роль мотивации в механизме преступного поведения в уголовно-правовом и криминалистическом значениях, охарактеризовано место мотивов в структуре мотивации. Уделено внимание особенностям развития и основным движущим противоречиям мотивации.

Ключевые слова: *личность, мотивация преступного поведения, мотивы совершения преступления, структура, механизм, судебно-следственная практика, полимотивация.*

The article, on the basis of the analysis of stances of leading Russian psychologists, criminologists and procedure experts, presents the results of theoretical studies of the structure of human motivation, considers the issues of motivational sphere of personality. The authors outlines the role of motivation in the mechanism of criminal behavior from criminal-law and criminological perspectives; characterizes the place of motives in the structure of motivation; pays attention to the peculiarities of the development and main driving contradictions of motivation.

Keywords: *personality, criminal behavior motivation; motives of the crime, structure, mechanism, judicial-investigatory practice, polymotivation.*

На протяжении уже долгого времени ученые исследуют природу мотивации человека. Но и в современное время сложно объективно оценить роль мотивации в преступной деятельности. Мотивация имеет множество значений. Необходимо помнить о том, что между применением стимулов и конечным результатом деятельности человека нет однозначной связи, так как здесь вмешивается много случайных факторов, таких как способности, настроение, понимание ситуации, влияние третьих лиц [1].

В криминологической науке преступное поведение рассматривается как процесс, развертывающийся в пространстве и времени и включающий внешне объективированные действия, образующие состав преступления, и предшествующие им психологические явления и процессы, детерминирующие их совершение [2].

Сведения о мотивационно-смысловой сфере личности преступника могут быть использованы криминологией для объяснения внутренних причин преступности и организации деятельности по ее предупреждению. В уголовно-правовом ракурсе изучение мотивационно-смысловой сферы субъекта преступления продиктовано соображениями определения правильной квалификации преступлений и необходимостью, в связи с этим, устанавливать вину, мотив и цель преступного деяния, а также обстоятельства, исключающие преступность деяния. В пенитенциарном плане мотивационно-смысловая сфера осужденного интересна с точки зрения разработки мер исправительно-воспитательного воздействия на лиц, отбывающих наказание.

В уголовно-процессуальном отношении интерес к мотивационно-смысловой сфере личности преступника определяется требованиями оценки доказательств по внутреннему убеждению, правильности установления мотива и цели преступного деяния, индивидуализации наказания и решения ряда других процессуальных вопросов. В русле оперативно-розыскной деятельности информация о личностных смыслах будет способствовать прогнозу поведения неизвестного преступника, выдвигению оперативно-розыскных и следственных версий о его местонахождении и других важных обстоятельствах расследования по уголовному делу. В криминалистическом аспекте изучение

мотивационно-смысловой сферы преступника имеет особую поисковую, тактическую и профилактическую значимость. Остановимся более детально на уголовно-процессуальном и криминалистическом значении мотивационно-смысловой сферы личности преступника.

Научный интерес к мотивам и мотивации в целях объяснения человеческого поведения, возникший в древности, отмечается во многих научных школах и течениях [3]. Мотивация исследуется на философском, социологическом, социально-психологическом, психологическом и биологическом уровнях [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Достижения в исследовании указанных аспектов мотивации предоставляют возможность юристам-криминологам перейти от нормативного, оценочного изучения мотивов преступлений к генетическому, к раскрытию закономерностей возникновения и формирования мотивации преступного поведения.

Однако, несмотря на значительное число работ по мотивации поведения, вообще, и преступного, в частности, в специальной литературе справедливо отмечается, что общая теория мотивации пока еще не разработана и единой концепции структуры мотивации не создано. Еще в менее разработанном состоянии находится мотивация преступного поведения, поскольку среди криминологов и криминалистов тоже нет единого ее понимания. В одном случае она понимается как одна из форм бытия нравственных и правовых норм, способ реализации их как регуляторов человеческого поведения, а также метод самоуправления личности через систему устойчивых побуждений, т.е. через мотивы [11, с. 88]. В другом случае – как совокупность мотивов, как сложная и противоречивая, изменчивая динамическая система, как комплекс мотивов (реже один мотив), который как побуждение, предметно актуализированное на достижение определенных целей посредством совершения конкретных действий (бездействия), выступает причиной поведения лица [12, с. 3]. В третьем – как процесс определения личностью характера и направленности поведения, процесс формирования его мотива. Мотив же является результатом этого процесса [13, с. 151].

Так, по мнению В.Д. Шадрикова, мотивация обусловлена рядом факторов (потребностями и целями, уровнем притязаний и идеалами, условиями деятельности и мировоззрением, убеждениями и направленностью личности), под действием которых и происходит процесс формирования намерения, а затем принятия решения [14]. В свою очередь, Е.П. Ильин рассматривает мотивацию как динамический процесс формирования мотива [15, с. 67], а профессор А.Н. Леонтьев выделяет два типа мотивации: первичную, проявляющуюся в форме потребности, влечения, инстинкта, и вторичную – в форме мотива [16, с. 428-439]. Выдающийся российский психолог-правовед Ю.В. Чуфаровский под мотивацией понимает систему побуждений человека, направленных на достижение конкретных целей [17], а профессор В.В. Романов, считая «мотивацию» синонимом понятия «мотивационная сфера», обозначает ее как процесс формирования мотива, приведения его в действие, процесс непрерывного взаимного влияния субъекта действия и ситуации [18, с. 244]. Известный белорусский ученый-правовед, специалист в области юридической психологии Г.Г. Шиханцов вообще отождествляет понятия «мотив» и «мотивация», понимая под мотивом внутреннее побуждение человека к тому или иному действию [19]. Так, профессор А.В. Агутин, исследуя проблему мотивации доказывания в уголовном судопроизводстве, сделал вывод о том, что «мотивы не существуют в готовом виде, им свойственно формироваться... процесс формирования мотива, его бытие и функционирование – все это и есть мотивация» [20, с. 292].

В целом разделяя позиции авторов относительно понимания (в широком смысле) мотивации деятельности, но ни в коей мере не отождествляя понятия «мотив» и «мотивация», Ф.С. Сафуанов, Е.В. Васкэ предлагают под мотивацией понимать совокупность мотивов как динамичного образования, побуждающего к преступной деятельности, формирующегося и изменяющегося под воздействием как внешних (средовых), так и внутренних (личностных) факторов. При этом под воздействием средовых факторов авторы понимают влияние, исходящее как от социума в целом, а под личностными факторами – изменяющуюся под действием внешних факторов шкалу ценностей и иерархию мотивов, систему взглядов и установок, потребностей, уровня притязаний и достижений [21].

Между тем мотивация как явление выходит за пределы мотива, который является основным элементом, но не исчерпывает ее содержания. С одной стороны, процесс мотивации не прекращается со становлением мотива, а с другой – в процессе мотивации также участвуют осознанные человеком потребности, целеобразование, выбор человеком средств достижения цели, конкретного объекта поведения, чувства, эмоции и т. д. Конечно, мотивацию можно рассматривать также в статике, но и в этом случае она не сводится к совокупности доминирующих мотивов человека, а представляет собой совокупность определенных психических явлений (потребностей, мотива в

узком смысле слова, целей, чувств и т. д.), являющихся элементами мотивации и в своей динамике и взаимосвязи образующих процесс мотивации.

Термин «мотивация» обозначает всю совокупность психических образований и процессов, «побуждающих и направляющих поведение на жизненно важные условия и предметы, определяющих пристрастность, избирательность и конечную целенаправленность психического отражения и регулируемой им активности» [22, с. 3].

Приведенные дефиниции позволяют авторам сделать следующие выводы:

- несмотря на очевидные различия родовых понятий, через которые определяется мотивация, они явно или имплицитно отражают материалистический взгляд на мотивацию как на специфическую производную взаимодействия личности и среды;

- мотивация как явление и как процесс выходит за пределы мотива, ее основного структурного и содержательного элемента, к конкретным общественным отношениям и личности субъекта, включенного в эти отношения;

- каждая из дефиниций, кроме общих черт, отражает ту или иную сторону, уровень мотивации (биологический, психологический, социологический, этический, криминологический), а это значит, что мотивация – феномен многогранный, имеющий специфические особенности в различных сферах социальной практики, в том числе и в сфере преступного поведения [23, с. 672-673].

В мотивации человеческого поведения, вообще, и преступного, в частности, социальный, социально-психологический, психологический и биологический компоненты образуют «сплав», имеющий свои особые свойства, отличные как от свойств отдельно взятых компонентов, так и от свойств их механического сочетания. Поскольку формирование этого сплава происходит на социальной основе, то новое образование по своей природе всегда является социальным у вменяемого субъекта. Органическое единство различных уровней мотивации в поведении вменяемого человека сугубо индивидуально. Индивидуальное проявление преступного поведения подчинено вероятностным закономерностям, которые улавливаются на статистическом уровне анализа.

Мотивация – это внутренняя детерминация поведения и деятельности, психический процесс, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение. Поэтому внешние стимулы, которые хотя и могут оказать влияние на мотивацию, отождествлять с мотивом неверно (воздействие социального окружения, боль, вызванная насилием, препятствие на пути – это лишь внешние стимулы). Таким образом, сущность мотива отражает понимание его как многокомпонентного психологического образования [24, с. 150-157].

Таким образом, мотивация преступного поведения может быть определена, с одной стороны, как внутренний стержень его генезиса, с другой – как результирующая взаимодействия личности правонарушителя с социальной криминогенной средой.

Нам импонирует мнение С.В. Складорова, согласно которому под мотивацией понимается побуждение к действию (бездействию) определенными мотивами [25, с. 94].

Структура мотивации складывается из двух основных блоков: процесса мотивации и его результата. Сам же процесс мотивации состоит из трех стадий:

- процесса осознания потребности (актуализации целевого мотива);

- процесса выбора типа поведения (актуализации ориентирующего мотива);

- процесса выбора конкретного объекта и (или) конкретного способа поведения (возникновения технического мотива).

Таким образом, место мотивов в структуре мотивации определяется их ролью на каждой из указанных стадий процесса мотивации.

Проведенный анализ судебно-следственной практики показывает наличие существенных проблем с установлением и доказыванием мотивации преступного поведения. Очевидно, что видимое и осязаемое «внешнее» познается с большой легкостью, чем эфемерное и неопределенное «внутреннее». Бывает сложно определить, в какой степени, какие обстоятельства осознавал виновный, что двигало им в конкретной ситуации, каково было его психическое отношение к тем или иным обстоятельствам события. В таких ситуациях следователь и суд, как правило, склонны полагаться на мнение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которое часто не отличается полнотой и объективностью в силу наличия у последних защитной доминанты и слабой степени осознания процессов внутренней жизни, при которых совершенное преступление объясняется аморальным или противоправным поведением потерпевшего («во всем виноват потерпевший», «он вывел меня из себя») [26, с. 55], стечением тяжелых жизненных обстоятельств («не мы такие, жизнь такая», «не было другого выхода», «так сложилась судьба») [27, с. 206-217], действием алкоголя («был пьяный», «водка виновата», «все из-за нее») [28, с. 19-21, 45-46, 97] либо вовсе

остаётся без объяснения («ничего не помню», «был в беспамятстве», «сам не понимаю, как так получилось») [29, с. 3, 42, 53, 56-59].

Стоит отметить одну закономерность, что в сложных ситуациях практика идет по пути упрощения. Можно констатировать, что в современной судебно-следственной практике в отношении установления и доказывания мотивации преступного поведения сложилась триада мотивов: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного, исходя только из характера совершенного им преступления.

Как справедливо отмечает И.И. Тазин, существующий упрощенный подход к установлению мотивации преступного поведения приводит к возникновению значительного числа судебно-следственных ошибок: неправильной квалификации преступлений, игнорированию подлинных мотивов преступления, искусственному снижению диапазона целей преступления, назначению несправедливых наказаний, неправильному применению отдельных институтов общей части уголовного права [30, с. 134].

При характеристике мотивации преступного поведения следует учитывать положения общей психологии о полимотивации, множественности целей и конкуренции мотивов, в соответствии с которыми стремление к достижению одной цели может быть обусловлено действием разных мотивов, равно как и наоборот, один мотив может определять достижение разных целей [31, с. 313], а в системе конкурирующих мотивов надлежит выявлять ведущий (доминирующий) мотив, определивший принятие решения о совершении преступления [32, с. 69].

Полимотивация в основе своей предполагает непротиворечивый ряд исходных побуждений (потребностей) и целей преступного поведения. Эта непротиворечивость, как правило, сочетается с доминированием ведущего мотива и основной цели, которые в процессе совершения преступных действий могут трансформироваться во второстепенные детерминанты.

Полимотивация встречается как при совершении одного преступления с множеством целей, входящих в состав преступления или выпадающих из него, так и при совершении нескольких преступлений в их идеальной или реальной совокупности. При эксцессе исполнителя наблюдается либо расширение сферы первоначально сформулированных групповых устремлений, либо ситуативное возникновение новых побуждений. Это не исключает совершения целого ряда однородных и разнородных преступных посягательств, объединенных целостным видовым мотивом.

Так, указанные обстоятельства позволили В. В. Гульдону утверждать, что «практика поиска однозначных мотивов преступления не отвечает целям точной уголовно-правовой квалификации. Однозначное определение в качестве мотивов таких явлений как корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения является грубым упрощением, а иногда и искажением истинной природы преступного деяния» [33, с. 173].

Таким образом, в мотивации преступного поведения можно выделить несколько сторон: потребностная сторона отражает основополагающий компонент мотива – потребность; побуждающая сторона показывает на детерминирующую силу мотива к активности; личностная сторона свидетельствует о зависимости мотива от личностных особенностей субъекта и сторона мотива как психического состояния свидетельствует о его наполнении мотивационными состояниями (установками, интересами, желаниями, стремлениями, влечениями) и эмоциями (мы не говорим о воле (волевом состоянии) как компоненте мотива, поскольку воля предполагает осознание значимости планируемого результата, в то время как мотив зачастую носит неосознанный характер).

Следовательно, понимание сущности мотива должно основываться «на представлении личности как системного образования, отражающего волевые, эмоциональные, интеллектуальные, потребностные и иные субъективные факторы, которые детерминируют поведение» [24, с. 153].

Мотив, как и потребность, не всегда осознается субъектом в качестве побудителя к действию. В связи с этим вызывают сомнения высказывания В.И. Ковалева, считающего очевидным вопрос об осознанности причин, потребностей и мотивов своих действий [34, с. 40], и Б.С. Волкова, утверждающего, что мотив как стимул поведения является побуждением осознанным, опосредованным целью, благодаря которой он окончательно формируется [35, с. 19].

Существенное значение в объяснении преступного поведения имеют внутренние, глубинные (смысловые), не осознаваемые личностью мотивы. Это мотивы бессознательной сферы. Именно бессознательные мотивы преступления, которые иногда могут совпадать с осознаваемыми, часто являются подлинными мотивами деяния. Указанные мотивы отражают основные личностные свойства и связаны с прожитой человеком жизнью. Бессознательные мотивы преступного поведения нередко связаны с особым отношением к смерти, спонтанным ожиданием агрессии, дезадаптацией, отчужденностью и повышенной тревожностью личности, на уровне психики они выполняют функции защиты – и физической, и психологической [24, с. 150-157].

Таким образом, одни мотивы осознаются, другие нет; первые образуют рациональный уровень мотивации, вторые – смысловой. Первый выполняет функции непосредственного удовлетворения лежащих на поверхности потребностей: например, убийство из мести, желание завладеть чужим имуществом и тем самым повысить собственное благосостояние, второй позволяет понять, почему данному человеку необходимо повысить свое благосостояние, и т. п. Бессознательные мотивы образуют смысловой уровень мотивации, который возникает, развивается и реализуется на ином, глубинном уровне, и его содержанием является постоянное утверждение своего «я», защита своего биологического и социального существования. Теснейшим образом переплетаясь, взаимодействуя, взаимодополняясь, эти два уровня усиливают друг друга и детерминируют преступное поведение.

На первый взгляд, возникает представление о том, что речь идет о двух совершенно разных (самостоятельных) мотивах – рациональном мотиве и смысловом мотиве. А именно: в одном случае – о психологическом образовании, основанном на очевидных потребностях и тем самым имеющем вроде бы поверхностный характер, отображающем в сознании человека лишь предмет удовлетворения осознаваемой потребности. В другом случае – о более адекватном понимании мотива – о психологическом образовании, основанном на неосознаваемых потребностях и возникающем, развивающемся и реализующемся на бессознательном уровне.

Если исходить из понимания мотива как многокомпонентного психологического образования, интегрирующего потребности, мотивационные состояния (установки, интересы, желания, стремления, влечения) и эмоции, внутренне детерминирующего поведение личности, то можно прийти к ложному выводу о том, что в двух указанных случаях речь идет об одном и том же мотиве в единственном его понимании: предметный уровень мотива – это внешняя форма мотива, который сформирован смысловым мотивом, находящимся изначально и/или так и остающимся как бы внутри, вне сознания личности. В основе мотива, осознаваемом или нет – не лежит одна и та же потребность, единая для обоих видов мотивов.

Для объяснения конкретного преступления нас интересуют мотивы любого уровня, которые детерминируют преступное поведение. Вместе с тем, как представляется, всегда необходимо выявлять смысловой мотив (мотивы). В одних случаях смысловой мотив будет совпадать с предметным и, соответственно, осознаваться преступником, в другом же случае смысловой мотив не будет совпадать с предметным и, следовательно, будет скрыт от сознания преступника.

Когда в уголовном законе говорится о мотивах преступления, имеется в виду осознаваемый мотив. Поэтому можно сказать, что бессознательные мотивы еще не получили правовой статус. Но знание о них, их выявление и оценка чрезвычайно важны для криминологии. Стоит отметить, что по справедливому замечанию Е.И. Думанской: «Осмысление подсознательной и бессознательной природы человеческой мотивации будет способствовать пониманию биологических основ психологической сферы современных людей» [36, с. 47-50].

Действительно, следует признать, что мотив и цель преступления как признаки субъективной стороны преступления даже не входят в предмет судебно-психологической экспертизы. Потому при назначении судебно-психологической экспертизы необходимо ставить вопросы о мотивационно-смысловых особенностях исследуемого лица, круге его ближних и дальних целей, не ограничиваясь только получением сведений о его личностных свойствах. В свою очередь, оценка заключения судебно-психологической экспертизы в совокупности с другими доказательствами по делу должна способствовать правильному определению мотива и цели преступного деяния.

Подытоживая, отметим, что трудности теоретического и прикладного характера при диагностике, квалификации особенностей мотивационной сферы и конкретных мотивов поведения человека, в том числе криминального, не снимают эту задачу с повестки научно-практического анализа. Тем более что следственно-судебная практика свидетельствует о наличии расхождений в правоприменительной практике по данному вопросу. В рамках криминологии исследование мотивации и мотивов преступного поведения является необходимым направлением, позволяющим наиболее глубоко проанализировать внутренние детерминанты противоправных деяний.

Литература и источники

1. Чернышева Е.В., Тюменцева А.А. Мотивация преступного поведения в совершении умышленных преступлений // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LIX междунар. науч.-практ. конф. № 12(57). Новосибирск: СибАК, 2015.
2. Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань: Издательство Казанского университета, 1982.
3. Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1966.

4. Асеев В. Г. Мотивация поведения в формировании личности. М., 1976.
5. Деникин И. Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
6. Леонтьев А.Н. Потребность, мотивы, эмоции. М., 1971.
7. Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975.
8. Проблемы принятия решения / под ред. П. К. Анохина и др. М., 1976.
9. Психологические механизмы целеобразования / под ред. О. К. Тихомирова. М., 1977.
10. Судаков К. В. Биологические мотивации. М., 1971.
11. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.
12. Кузнецова Н. Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения // Вопросы советской криминологии: мат. науч. конф. М., 1976. Ч. 2.
13. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.
14. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
15. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
16. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001.
17. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012.
18. Романов В.В. Юридическая психология: учебник. М., 2015.
19. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: учебник для вузов. Изд. 2-е. М., 2006.
20. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: Монография / под ред. В.Т. Томина. М., 2004.
21. Сафуанов Ф.С., Васкэ Е.В. Определение мотивации преступного поведения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. №5 (7).
22. Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.
23. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т.1. Общая часть. М.: Изд-во Юрайт, 2011.
24. Антонян Ю.М., Волконская Е.К. Мотив преступного поведения: основные характеристики // Общество и право. 2012. №4 (41).
25. Сляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004.
26. Котов Д.П. Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
27. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
28. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991.
29. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. - Харьков, 1986.
30. Тазин И.И. Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения // Вестник Томского государственного университета. 2011. №343.
31. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
32. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007.
33. Криминальная мотивация. М., 1986.
34. Ковалев В.И. К проблеме мотивов // Психологический журнал. 1981. № 1.
35. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Москва: Изд-во РУДН, 2004.
36. Думанская Е.И. Мотивация: проблема неосознаваемого в преступном поведении // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. №40 (257).